

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 398.22:821.512.36

Л. С. Дампилова

СПЕЦИФИКА БЫТОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПРЕДАНИЯХ РУССКИХ И БУРЯТ О БАРГУТАХ¹

Представлен анализ структуры русских и бурятских преданий о баргутах, относящихся к микролокальной традиции (Баргузинский район Республики Бурятия). Актуальными представляются компаративные исследования преданий, созданных русскими переселенцами при освоении нового ландшафта в сравнении с преданиями коренных народов. Целью работы является определение специфики бытования локальной традиции бурят и русских в преданиях о баргутах, отражения в ней этнокультурных особенностей в условиях территориальных межэтнических контактов. Имагологический метод анализа позволит воссоздать процесс формирования образа чужого (баргута) в русской традиции в сравнении с бурятским видением этого образа, также востребованным является герменевтический метод интерпретации нарративов. Предания связаны с баргутами, одним из монгольских племен, ранее населявших этот край. Источниками исследований являются архивные записи русских преданий и полевые материалы автора работы. В преданиях со схожим сюжетом причиной исхода аборигенов края является единый мотив появления белой березы в хвойном лесу, маркируется оппозицией «свой – чужой» через цветовой код «белый – черный», фитокод «березовый – хвойный». В ходе исследования установлены структурные особенности построения преданий о баргутах в разной этнической традиции. Выявлена вариативная трансформация инварианта мотива исхода баргутов в русской традиции, связанной с преданиями о чуде: уходят, сами себя погребают, самозакапываются в ямах, бросаются со скал, топятся в реках. Структурообразующим в построении русских преданий является мотив самоубийства чуждого, враждебного народа. В бурятских преданиях устойчивый мотив ухода, а не мифологического самоубийства связан с историческими событиями исхода баргутов, близкого родственного племени, их современников. Важнейшим выводом является установление феномена фольклорного локального нарратива, манифестирующего содержание этнической и/или исторической памяти, трансформацию и адаптацию к инокультурному стереотипу. В условиях культурного пограничья «чужое», приобретая неоднозначное значение, почти превращается в «свое».

Ключевые слова: русские, буряты, этнокультура, пограничье, локальные традиции, инвариант мотива, варианты мотива, чудо, исход

Введение

Локальная «этнокультурная панорама» имеет ведущее значение при изучении традиционного фольклора, хотя в настоящее время трудно найти носителей аутентичной «классической» фольклорной традиции. Целью работы является определение специфики бытования локальной традиции бурят и русских в преданиях о баргутах, отражения в ней этнокультурных особенностей, ее вариативности, проницаемости и восприятия элементов иноязычной, иноэтнической культуры. Актуальными представляются компаративные исследования локальных преданий при освоении нового ландшафта русскими переселенцами в сравнении с преданиями коренных народов. Не менее актуальным представляется сравнительный анализ структурной организации фольклорных текстов в контексте сибирской фольклорной традиции. Наиболее востребованным для анализа текстов является герменевтический метод интерпретации. Источники исследований – полевые материалы автора работы, архивные записи русских преданий. В исследованиях русских преданий о баргутах Е. Л. Тихоновой представлены итоги архивных и многолетних полевых изысканий автора. Основной анализ преданий о баргутах представлен в автореферате ее докторской диссертации [1].

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Особый «почерк» пришельцев на чужую землю проявляется «в характере насыщения семиотического поля внутри культурного ландшафта, в формировании этнокультурных стереотипов, позволяющих дифференцировать явления окружающего мира по принципу «свое – чужое» [2, с. 18]. Имагологический метод анализа позволит воссоздать процесс формирования образа чужого (баргута) в русской традиции в сравнении с бурятским видением этого образа. В пространстве неизолированного контакта разных культур вопрос об идентичности напрямую связан как с вопросом их взаимосвязей, так и маркировкой своих и чужих пространственных, временных, персонажных и цветовых кодов. Стоит подчеркнуть, что полевые фольклорные материалы, собранные в конце XX в., имеют множество коннотаций с изданными материалами, связанными с темой исследования.

Предания о баргутах, записанные у русских информантов, относятся к микролокальной традиции. Записи сделаны только в Баргузинском районе Республики Бурятия и связаны с племенным этносом баргут, «который жил в Забайкалье, в долине р. Баргузина, занимая восточное крыло, располагавшееся по обе стороны сибирского моря обширной местности Баргуджин-Токум. Баргуты были единственным и достоверно известным монголоязычным племенем в регионе, которое имело налаженные контакты с Золотым родом Чингисхана, участвовало в монгольских завоеваниях на запад, в связи с чем их имя часто упоминается в письменных памятниках» [3, с. 4].

Инвариант мотива исхода о баргутах в преданиях

В выявлении мотивов в фольклорном нарративе учитывается способность мотива «к изменению, варьированию, трансформациям», в то же время «многообразие варьируемых мотивов может быть сведено <...> к инварианту мотива» [4, с. 140]. При описании мотива, учитывая его дихотомическую природу, в работе выявляются основные инварианты мотива «с учетом частотности вариантов мотива по отношению к его инварианту» [5, с. 22].

Из всех записанных преданий о баргутах у русских и бурят сохранилось одно схожее предание об исходе баргутов с исконных земель. По данным Б. Р. Зориктуева, «баргуты, до прихода русских на их земли, примерно в 1629 г., по неизвестным причинам покинули свою родину около Байкала и ушли на восток» [2, с. 4]. Современные буряты эхиритского племени пришли в Баргузинскую долину в XVII в. после прихода русских на их исконные земли в Верхоленье (ныне Качугский район Иркутской области). К их приходу в этой местности жили эвенки, и только появлялись первые русские. По историческим сведениям, русские и буряты эхиритского племени в Баргузинской долине появились почти одновременно более чем через сто лет после исхода баргутов.

Возможно, эвенки могли быть с баргутами соседствующим народом, ибо особо значителен для нас факт, что у эвенков сохранилось предание, что по соседству с ними, задолго до прихода русских и бурят, жил народ, называвшийся баргут. «Эти баргуты были не тунгусами и не бурятами. Их отличал высокий рост, большое трудолюбие, занятие хлебопашеством. Однажды они заметили, что в долине начала расти белая береза. Это было воспринято ими как предзнаменование прихода белых людей. Боясь их, баргуты решили покончить с собой, умертвив себя под обрушившейся, специально для этого сооруженной кровлей» [6, с. 8, 9]. И это предание можно рассматривать как исходный вариант для преданий вновь прибывших народов в Баргузинскую долину. Необходимо отметить, что мотив появления белых берез как предвестника беды встречается в преданиях тюркских народов Сибири [7, с. 293, 294], в этом случае эвенки использовали традиционный фольклорный мотив.

В экспедициях к современным баргутам в автономный район Внутренняя Монголия КНР этнографы и фольклористы задавали вопрос о существовании у них подобных преданий, но в их памяти сохранились только более устойчивые для устной передачи шаманские призы-

вания с упоминанием исторической родины Баргуджин-Токум. У баргузинских бурят общеизвестно предание, что баргуты вынужденно покинули эту местность, когда начала расти белая береза и появился белый зверек с черными кончиками ушей. В эвенкийской и бурятской версиях исхода баргутов единым является мотив появления березы как признака чужого, опасного цветового белого кода. В бурятской версии предания в мотиве о белом дереве, скорее всего воспринятом от аборигенов края эвенков, добавляется мотив белого зверька для большего семиотического накала.

В русских преданиях об исходе баргутов явно наблюдается большее сходство с эвенкийским вариантом мотива о самопогребении: «Ну, раньше были баргуты, это давно поколение-то, но оне уничтожали себя, когда пошла береза, услышали, что белый люд будет. В долине там и делали царай, камни накладывали, подсекали, уничтожали сами себя» [8, ЦВРК ИМБТ, инв. № 2322, л. 57]. Если в бурятском варианте добавляется белый зверек, то в русском предании прямо указывается приход белых людей. Понятие «давно было» в русских преданиях в дальнейшем приобретает мифологический характер.

Основной инвариант мотива исхода аборигенов края в русских преданиях устойчиво приобретает вариант самоуничтожения. В русских преданиях источником мотива самопогребения баргутов можно считать как эвенкийский нарратив, так и универсальный мотив самопогребения из мифологических рассказов о чуди в русском фольклоре [9, с. 77–97]. В эвенкийском нарративе вариант мотива самопогребения может быть связан и с традициями тюркских народов: «Мотив умерщвления под своим домом имел тюркские корни и был распространен в Саяно-Алтае. Оттуда он племенем байырку был принесен на восточный берег Байкала, где спустя ряд веков, облеченный в форму самопогребения обрушением на себя своего жилища, всплыл при вынужденном исходе их потомков баргутов в сторону Амура» [2, с. 30].

Вариант мотива самоубийства трансформируется еще в несколько мотивов: «Они не хотели менять своих устоев и стали убивать сами себя. Бросались со скал, топились в реках» [10, ЦВРК ИМБТ, инв. № 2139, п. 3, л. 44.]. Вариативная трансформация методов самоубийства (сами себя погребают в ямах, закапывают друг друга, бросаются со скал, топятся в реках), скорее всего, связана с импровизацией, варианты мотива исхода приобретают множество коннотаций, свойственных устным нарративам.

Согласно археологическим исследованиям, в регионе есть места, обозначенные как баргутские оросительные каналы, баргутские ямы, мельницы. Подобные пространственные коды явились поводом для появления преданий с мифологическими мотивами. «Предания, несмотря на то, что они реалистично отражают действительность, являются продуктом фольклорного сознания и часто содержат в своей структуре мифологические мотивы и образы» [1, с. 9]. Около села Уро находятся баргутские ямы, и жители Уро рассказывают о самозакапываниях баргутов в этих ямах: «А вот белый народ, береза бела стала расти, они говорят, что народ белый будет таперь и давай заваливать друг дружку вот в этих ямах, и там ямы у нас нагребены, вот чувствительны ямы, колодцы и кости ихны» [11, ЦВРК ИМБТ, № 2322, л. 17]. Для структурирования подобных преданий к универсальному мотиву о самопогребении чуди из русской традиции прибавились эвенкийское предание, исторические источники и археологические изыскания.

В традиционных бурятских преданиях не записано ни одного текста о баргутах с мотивом самоуничтожения, хотя буряты, проживающие в русских поселениях, могут рассказывать эти предания точно по русской традиции. По полевым материалам, одна из версий исхода баргутов связана с множеством публикаций и домыслов о местах захоронения Чингисхана: «Здесь похоронен Чингисхан, и вся долина превратилась в запретную зону, поэтому баргуты ушли отсюда» [12, ПМА, 1999]. Связь Баргузинской долины с именем Чингисхана в бурятских преданиях имеет устойчивый характер. В этой связи стоит обратить внимание на записи Ц. Жамцарано от агинского шамана Тухурёона: «Чингисхан оставил на скале на Ольхоне или

на Барагхане (в долине Баргузина) 13 рисунков двенадцати товарищей и один свой, чтобы показать, что здесь спустились 13 тэнгриев» [13, с. 137]. В преданиях священная вершина Баргузинских гольцов Барагхан связана с множеством исторических имен. Современные шэнэхэнские буряты рассказывают: *Ойхон Барханай 13 ноёндо ламаар мургэдэг, Ойхон Барханда Бабжа баатар байртай байгаа* ‘Проводим обряд поклонения тринадцати нойонам Ольхона и Барагхана по буддийским традициям, на Ольхоне, Барагхане было место пребывания Бабжа батора’ [14, ПМА, 2011].

У баргузинских бурят распространено предание о щите Барга батора (*Барга баатарай хуяг*), хранящемся на плоской вершине Тэбтэхэй горы Барагхан. По рассказам жителей села Барагхан, там действительно лежали воинские доспехи, но, скорее всего, они более позднего периода [15, ПМА, 1999]. Имя Барга батора упоминается в обрядовых текстах, посвященных горе: *Барга баатар эсэгымнай / Байра нютагын Баргажанда, / Башата дайнуудһаа хамгаалдаг / Бархан үндэр ууламнай* [16, ПМА, 1995] ‘Отца нашего Барга батора / Родина Баргузин, / От великих войн спасающая / Высокая вершина Барагхан’. У бурят Баргузинской долины образ баргутов однозначно связан с именем Барга батора и современным племенем баргут, переселившимся в другой регион. В данной статье не рассматриваем предания общепурятского значения о Барга баторе, ибо по этому вопросу Б. Р. Зориктуевым сделаны достоверные выводы [2, с. 31–33].

Итак, в преданиях с единым мотивом причиной исхода аборигенов края у всех трех народностей Баргузинской долины является появление белой березы в хвойном лесу, мотив маркируется оппозицией «свой – чужой» через цветовой код «белый – черный», фитокод «березовый – хвойный». В русских преданиях устойчивым является инвариант мотива исхода баргутов с вариантами мотивов с разными методами самоуничтожения. Бурятские предания о баргутах кардинально отличаются от русских по оппозиционным кодам: баргуты для русских древний, иной, чуждый, давно исчезнувший народ, а для бурят они свои, их современники, одно из родственных племен, ушедшее с насиженных мест, что естественно для кочевых племен. Причина исхода баргутов в бурятских материалах связана с историческим контекстом.

Мотив мифологической «чуди» в русских преданиях о баргутах

С имагологической точки зрения особое внимание привлекает облик созданного чужака в русских преданиях о баргутах. Из множества преданий исторического и мифологического характера, записанных в разные годы у баргузинских русских, можно выделить рассказы, связанные с освоением «чужого» пространства. В первую очередь закрепились нарративы реалистического характера о баргутах как предшественниках этого края: «Баргузин существует очень давно и носит он название людей, его населявших – баргуты» [10, ЦВРК ИМБТ, инв. № 2139, п. 3, л. 44]. «До прихода русских в Сибирь здесь жило много разных народов. Но, как раньше рассказывали старики, в памяти остались только такие народы, как чудь и баргуты. Они на этой нашей земле жили давно, потом поизвелись»; «Перед тем как русским прийти здесь жила чудь. Это так такой народ тут звался. Ни тунгусы, ни буряты его не помнят. Когда они сами пришли, то чудей тут уж не было, и след простыл» [17, с. 69, 81]. Наравне с названием племени баргут появляется еще одно универсальное представление об аборигенах края как чуди. По русской традиции, в преданиях чудями называют аборигенов края на Севере России, в Сибири. Этой теме посвящены многочисленные исследования отечественных этнографов и фольклористов [1, 6, 9, 18 и др.].

Гиперболизированный внешний облик баргутов близок к портрету чуди: «По преданию, были это очень рослые люди, крупной кости, и животные были такие же крупные. Занимались хлебопашеством и земледелием... Говорят, что на пашнях находили удила такие, что по размерам гораздо больше, чем для современных лошадей. По реке Банной был сруб – несколько

бревен. Говорили, что это была их мельница, мельница баргутов» [10, ЦВРК ИМБТ, инв. № 2139, п. 3, л. 44]. Универсальность мотива о предшественниках как людей рослых подтверждает оригинальный пример: «Раньше в Забайкалье русского народа не было. <...> Здесь были в Забайкалье три нации: буряты, тунгусы и была одна нация – беспоповцы. Может, слышал? Во. Но эти беспоповцы очень сильны были, рыжие такие, здоровые люди. Они выкоренились. Их не стало» [18, с. 205]. «Первобытны люди жили. Они все черны были» [11, ЦВРК ИМБТ, № 2322, л. 17]. К такому основному признаку, как большой размер, подчеркивается их особенность как рыжих/черных, что дополняет портрет чужака.

Помимо портретных характеристик баргутов описывается их воинственность, что тоже было присуще чуди: «Когда были столкновения, и порой столкновения были настолько вот эти воинственными, что, значит, баргуты применяли не столько свои вот эти военные навыки, чтоб победить эвенков, а применяли хитрость. То есть они поднимались на вершину горы и исчезали бесследно. Поэтому считают, что вот в нашей Лысой горе были подземные ходы, по которым, значит, баргуты уходили» [19, ПМ Е. Л. Тихоновой, 2008]. В мифологии варианты мотива появления из-под земли и исчезновения в ее недрах имеют универсальный характер.

В некоторых рассказах превалирует облик мифологических существ иного мира или первобытных людей: «Слышат топот. Выходят, ташут два человека, в шерсте все – баргуты, видно, баргуты были это. Ташут все в шерсте, седы. Ташут, значит, восемь ли десять метров длиной сушины – по сушине ташут и пятьдесят сантиметров толшиной. Оне ташут их и сразу бросают и на чурки рубят и на их не глядят, на етех охотников. Теперь, значит, наклали на костер, на очаг наклали огня, и один подходит одного охотника, значит, берет пальцем и бросил на очаг. А те долго не думали, етих сразу пристрелили, в шерсте-то которы, етих баргутов, пристрелили и оне не знай, кто такие. Их когда пристрелили, поднялся сильный стон, и оне оттуль снялись, когда снялись – убежали» [20, ЦВРК ИМБТ, № 2322, л. 69–70]. Так в преданиях о чуди подчеркивается их враждебность, наблюдается явная демонизация их образа. По структуре нарратив похож на охотничьи предания о страшных приключениях: великаны, скорее близкие к первобытным людям, относятся к потустороннему миру, миру смерти, поэтому напоминают еще и духов, появившихся из-под земли.

Универсальный мотив исчезновения в земле тесно связан с мотивом появления чужака из-под земли. В бурятской традиции распространены предания о появлении захороненных монголов. В обрядовом фольклоре бурят наиболее распространены культовые тексты, посвященные предшествующим насельникам края. По данным Ц. Ж. Жамцарано, Б. Э. Петри, Т. М. Михайлова, Г. Р. Галдановой, хара монголы как автохтоны населяли остров Ольхон, Кудинскую долину до прихода бурят. Буряты почитают их как территориальных хозяев: *Газарһаа гараһан, Галабһаа тараһан* ‘Из-под земли вышедший, / С иного мира пришедший’ [21, ПМА, 2010]. Духи черных монголов, погребенные в этой земле, вредят пришельцам. Так же, как в русских преданиях, предшественники воспринимаются новыми насельниками как злой, враждебный, чуждый народ.

Все перечисленные выше характеристики внешнего облика и действий баргутов подчеркивает не только их инаковость, враждебность, но и отдаленность от современных рассказчиков. Наблюдается мифологизация прошлого, которое генерирует и развивает народная молва. Особенно примечательно, что народная фантазия о баргутах в преданиях трансформируется до ассимиляции чуди, чуждого народа с пришлым населением: «А потом вот в Какое, за Какоем была маленькая деревушка такая, Недороска. Эту деревушку я помню. Там жили все Скосырские, и их звали баргутами»; «Ну, и по всей вероятности, это ихные, как говорится, уже предки были баргуты. Ну, и назвали, значит, и речку Баргузин, и потом, впоследствии, и построили вот этот острог Баргузин. В честь, видимо, етих баргутов. А кто они такие, баргуты, были? Русские, нерусские? Ну, по всей вероятности, это нерусские [22, ПМЕ Л. Тихоновой, 2008]. Трансляция мотива «чуди» дошла до того, что признавая баргутов предками русских

Скосьерских, сами рассказчики начали сомневаться в этнической принадлежности баргутов, настолько сроднившись с ними в своих рассказах. Здесь наблюдается механизм изменения этнически специфичной культурной традиции, когда иноэтническое становится со временем почти близким и своим.

Заключение

Итак, источниками формирования образа «чужого» в русской традиции явились русские предания о чуди, эвенкийское предание и сведения об археологических изысканиях. По выводам более широких исследований Е. Л. Тихоновой, «в преданиях об исчезнувших народах все основные мотивы коррелируют друг с другом, что делает эти предания “клишированными”, типологически сходными в разных регионах бытования» [1, с. 25]. В преданиях об исходе баргутов с исторической родины в бурятских, эвенкийских и русских нарративах со схожим сюжетом одинаково маркируется оппозиция «свой – чужой» через цветовой код «белый – черный», фитокод «березовый – хвойный».

В ходе исследования установлены структурные особенности построения преданий о баргутах в разной этнической традиции. Выявлена вариативная трансформация инварианта мотива исхода баргутов в русской традиции, связанной с преданиями о чуди: уходят, сами себя погрязают, друг друга закапывают в ямах, бросаются со скал, топят в реках. Структурообразующим в построении русских преданий является мотив самоубийства чуждого, враждебного народа. В бурятских преданиях устойчивый мотив ухода, а не мифологического самоубийства, связан с историческими событиями исхода баргутов, близкого родственного племени, их современников. Важнейшим является установление феномена фольклорного локального нарратива, манифестирующего содержание этнической и/или исторической памяти, трансформацию и адаптацию к инокультурному стереотипу. В условиях культурного пограничья «чужое», приобретая неоднозначное значение, почти превращается в «свое». Примечательно, что образ чужака в русской традиции от древних, первобытных людей перекодируется до современников и соотечественников.

Список источников:

1. Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2018. 62 с.
2. Андреева Е. Д. Фольклор. Культурный ландшафт. Этнокультурная идентичность // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. школы молодых фольклористов. СПб.: Ред.-издат. комплекс Рос. ин-та истории искусств, 2014. С. 7–23.
3. Зориктуев Б. Р., Сундуева Е. В., Маншеев Д. М., Болхосоев С. Б., Николаева Н. Н. Баргуты Китая. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. 282 с.
4. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М.: Наука, 1975. С. 141–155.
5. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
6. Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1973. 108 с.
7. Молдобаев И. Б. Устные рассказы о кыргызах у народов Сибири (к вопросу об этногенезе киргизов) // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 292–297.
8. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ), инв. № 2322, л. 57. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Большое Уро, 1982 г., Гаськов И. И., 1906 г. р.
9. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 228 с.
10. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ), инв. № 2139, п. 3, л. 44. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Баргузин, 1971 г., Башкир Т. Я., 1909 г. р.
11. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ), № 2322, л. 17. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Читкан, 1982 г., Малыгина М. И., 1910 г. р.

12. ПМА, 1999 г. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Баянгол, Бадмаев Ш. М., 1924 г. р.
13. Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
14. ПМА, 2011 г. АРВМ КНР, Хулун-Буирский городской район, Шэнэхээн Балгаас, Сэсэрэн-Доржын Долгор, 1940 г. р.
15. ПМА, 1999 г. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Барагхан, Гомбоев Б. Ц., 1973 г. р.
16. ПМА, 1995 г. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Баянгол, Бубеев С. Ц., 1924 г. р.
17. Элиасов Л. Е. Байкальские предания. Фольклорные записи. Улан-Удэ: Бурятское книж. изд-во, 1966. 272 с.
18. Кляус В. Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
19. ПМ Тихоновой Е. Л., 2008 г. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Баргузин, Зарубина Г. А., 1946 г. р.
20. Центр восточных рукописей и киногографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ЦВРК ИМБТ), № 2322, л. 69–70. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Телятниково, Гаськов Ф. С., 1897 г. р.
21. ПМА, 2010 г. Иркутская область, Боханский район, с. Харагун, Ангажанов С. К., 1928 г. р.
22. ПМ Тихоновой Е. Л., 1996 г. Республика Бурятия, Баргузинский район, с. Баргузин, Коневин М. И., 1931 г. р.

Дампилова Людмила Санжибоевна.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
координатор проекта отдела литературоведения и фольклористики.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 15 марта 2024 г.

L. S. Dampilova

THE PECULIARITIES OF THE EXISTENCE OF ETHNIC TRADITIONS IN THE LEGENDS OF THE RUSSIANS AND BURYATS ABOUT BARGUTS

The article is devoted to the analysis of the structure of Russian and Buryat legends about the Barguts, which belong to the microlocal tradition (Barguzinsky district of the Republic of Buryatia). Comparative studies of the legends created by Russian settlers when settling in new territories compared to the legends of the indigenous peoples are considered important. The work aims to determine the peculiarities of the local tradition of the Buryats and Russians in the legends of the Barguts and the peculiarities of the reflection of ethnocultural features in the conditions of territorial interethnic contacts. The imagological method of analysis will make it possible to trace the process of formation of the image of the stranger (the Bargut) in the Russian tradition in comparison with the Buryat view of this image, and the hermeneutic method of interpretation of the narratives is also required. The legends tell of the Barguts, one of the Mongolian tribes that once inhabited this region. The sources of the study are archival records of Russian legends and field materials of the author of the work. In legends with a similar plot, the reason for the exodus of the Indigenous people of the region is a single motif, namely the appearance of a white birch tree in a coniferous forest, characterized by the opposition 'friend – foe' by the color code 'white – black', the phytocode 'birch – coniferous'. As part of the study, the structural characteristics of the legends about the Barguts in various ethnic traditions were determined. A variable transformation of the invariant of the exodus motif of the Barguts in the Russian tradition, which is connected with the legends of the Chudes, is revealed: they go away, bury themselves, dig themselves into pits, throw themselves off cliffs, drown themselves in rivers. The motif of the suicide of foreign, hostile people is the most important structural factor in the construction of Russian legends. In the Buryat legends, the stable motif of departure, and not mythological suicide, is connected with the historical events of the exodus of the Barguts, a closely related tribe, and their contemporaries. The most important conclusion is the identification of the phenomenon of folkloric local narrative, in which the content of ethnic and/or historical memory, transformation, and adaptation to a foreign cultural stereotype is manifested. Under the conditions of the cultural border, the 'foreign', which acquires an ambiguous meaning, almost becomes the 'own.'

Keywords: *Russians, Buryats, ethnoculture, border areas, local traditions, motif invariant, motif variants, Chude, exodus*

References:

1. Tihonova E. L. *Semantika i pragmatika fol'klornoy istoricheskoy prozy russkikh starozhilov Baykal'skogo regiona. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region. Abstract of thesis Diss. Dr. Philol. Sci.]. Ulan-Ude, 2018. 62 p. (in Russian).

2. Andreeva E. D. Fol'klor. Kul'turnyi landshaft. Yetnokul'turnaya identichnost' [Folklore. The cultural landscape. Ethnic and cultural identity]. *Fol'klor i yetnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunarodnoy Shkoly molodyh fol'kloristov* [Folklore and ethnocultural identity: materials of the IV International schools for young folklorists]. Saint Petersburg: Red.-izdat. kompleks Ros. in-ta istorii iskusstv Publ., 2014. Pp. 7–23 (in Russian).
3. Zoriktuev B. R., Sundueva E. V., Mansheev D. M., Bolhosoev S. B., Nikolaeva N. N. *Barguty Kitaya* [Barguts of China]. Ulan-Ude: Buryatskiy gos. Universitet Publ., 2021. 282 p. (in Russian).
4. Putilov B. N. Motiv kak syuzhetoobrazuyushhiy element [Motive as a plot-forming element]. In: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: sbornik statey pamyati V. Ya. Proppa (1895–1970)* [Typological studies on folklore: collection. Art. in memory of V. Ya. Propp (1895–1970)]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 141–155 (in Russian).
5. Silant'ev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Plotological research]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2009. 224 p. (in Russian).
6. Shubin A. S. *Kratkiy ocherk yetnicheskoy istorii yevenkov Zabaykal'ya (XVII–XX vv.)* [A brief sketch of the ethnic history of the Evenks of Transbaikalia (XVII–XX centuries)]. Ulan-Ude: Buryat. kn. Publ., 1973. 108 p. (in Russian).
7. Moldobaev I. B. *Ustnye rasskazy o kyrgyzakh u narodov Sibiri (k voprosu ob yetnogeneze kirgizov)* [Oral stories about the Kyrgyz among the peoples of Siberia (on the question of the ethnogenesis of the Kyrgyz)]. *Yetnicheskaja istorija narodov Yuzhnoy Sibiri i Central'noj Azii* [Ethnic history of the peoples of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993. Pp. 292–297 (in Russian).
8. *Centr vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii (CVRK IMBT)* [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetological Studies], inv. No. 2322, l. 57. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Bol'shoe Uro, 1982 g., Gas'kov I. I., 1906 g. r.
9. Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: Voprosy genezisa i struktury* [Russian folk historical prose: questions of genesis and structure]. Leningrad: Nauka publ., 1987. 228 p. (in Russian).
10. *Centr vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii (CVRK IMBT)* [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetological Studies], inv. No. 2139, p. 3, l. 44. Respublika Burjatiya, Barguzinskiy rajon, s. Barguzin, 1971 g., Bashkir T. Ya., 1909 g. r.
11. *Centr vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii (CVRK IMBT)* [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetological Studies], No. 2322, l. 17. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Chitkan 1982 g., Malygina M. I., 1910 g. r.
12. PMA, 1999 g. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Bayangol, Badmaev Sh. M., 1924 g. r.
13. Zhamcarano C. Zh. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries of 1903–1907]. Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 2001. 380 p. (in Russian).
14. PMA, 2011 g. ARVM KNR, Hulun-Buirskiy gorodskoy rayon, Sheneheen Balgaas, Seseren-Dorzhy Dolgor, 1940 g. r.
15. PMA, 1999 g. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Baraghan, Gomboev B. C., 1973 g. r.
16. PMA, 1995 g. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Bayangol, Bubeev S. C., 1924 g. r.
17. Yeliasov L. E. *Baykal'skie predaniya. Fol'klornye zapisi* [Baikal legends. Folklore records]. Ulan-Udje: Bur. kn. izd-vo, 1966. 272 p. (in Russian).
18. Klyaus V. L. *"Russkoe Trehrech'e" Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i tradicionnoj kul'tury* [The "Russian Trehrech'e" of Manchuria. Essays on folklore and traditional culture]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2015. 384 p. (in Russian).
19. PM Tihonovoy E. L., 2008 g. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Barguzin, Zarubina G. A., 1946 g. r.
20. *Centr vostochnykh rukopisey i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii (CVRK IMBT)* [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetological Studies], No. 2322, l. 69–70. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Telyatnikovo, Gas'kov F. S., 1897 g. r.
21. PMA, 2010 g. Irkutskaya oblast', Bohanskiy rayon, s. Haragun, Angazhanov S. K., 1928 g. r.
22. PM Tihonovoy E. L., 1996 g. Respublika Buryatiya, Barguzinskiy rayon, s. Barguzin, Konevin M. I., 1931 g. r.

Lyudmila S. Dampilova.

Doctor of Philology, Associate Professor, Head Researcher of the Department of Literature and Folklore.

**Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences.**

Sakh'yanovoi str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

Email: dampilova_luda@rambler.ru